

МИФЫ И МИФОЛОГЕМЫ

П.А. Плютто

О ПРИРОДЕ И КЛАССИФИКАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЛЛЮЗИЙ

Аннотация. Статья посвящена исследованию реальности социокультурных иллюзий, понимаемой автором в качестве «реальности виртуального». Представленный анализ реальности социокультурного виртуального опирается на отделение привычного гносеологического понимания социокультурных иллюзий, рассматриваемых как обычные заблуждения, от их понимания в онтологическом статусе, то есть в статусе самой человеческой реальности. Предметом исследования, таким образом, являются иллюзии, бытующие на уровне общества и культуры, которые автор отличает от индивидуально-психологических иллюзий, не достигших общественной и культурной значимости. Методология исследования может быть обозначена как путь синтеза разнообразных достижений в области философского исследования социальных и культурных иллюзий. Новизна работы состоит в представленном ясном определении социокультурных иллюзий, осмысленных в их онтологическом статусе, а также в попытке дать их обоснованную классификацию. Выводы касаются условий функционирования и поэтапного разрушения реальности социокультурных иллюзий, то есть, по существу, условий утраты социокультурными иллюзиями их онтологического статуса.

Ключевые слова: социокультурные иллюзии, индивидуально-психологические иллюзии, реальность виртуального, превращенная форма, утопии, идеологии, классификация социокультурных иллюзий, онтологический статус, гносеологический статус, рационализация.

Review: The article is devoted to the research of the reality of socio-cultural illusions understood by the author as the 'reality of the virtual world'. The given analysis of the reality of the socio-cultural virtual world is based on the differentiation between a gnoseological definition of socio-cultural illusions viewed as usual misconceptions and their ontological status, i.e. the status of the human reality. Thus, the research subject is the illusions existing at the level of society and culture which the author distinguishes from individual psychological illusions that haven't become socially or culturally important. The methodological basis of research can be outlined as the synthesis of different achievements in the field of philosophical research of social and cultural illusions. The novelty of the article is caused by the fact that the author provides a clear definition of socio-cultural illusions in terms of their ontological status and tries to offer a substantiated classification of socio-cultural illusions. The conclusions of research involve performance conditions and stage-by-stage destruction of the reality of socio-cultural illusions, in other words, in fact, the conditions for socio-cultural illusions losing their ontological status.

Keywords: socio-cultural illusions, individual psychological illusions, reality of the virtual world, modified form, utopia, ideology, classification of socio-cultural illusions, ontological status, gnoseological status, rationalisation.

Вводные замечания

Во введении к данной статье нам бы хотелось вспомнить ту легенду, которая много лет назад послужила первым толчком, пробудившим наш интерес к исследованию социокультурных иллюзий.

Когда-то члены одного древнего племени взмолились богам о том, чтобы они избавили их от Зла, которое персонифицировалось представителями данного племени в образе «духа Нгоро-Нгоро». После долгих молитв боги вняли, наконец, просьбе

людей и Зло навсегда покинуло это племя: в нём не стало убийств, прекратились кражи, место лжи заняла истина. Мир и покой воцарились на земле. Но вместе с ними пришла новая напасть: уныние и скука. После того, как «злой дух Нгоро-Нгоро» отлетел от земли, вино утратило свойство пьянить, женщины перестали обольщать, богатство не веселило, власть не манила...

Психоаналитики еще при жизни Фрейда приводили эту легенду, когда хотели наглядно пояснить, что такое бессознательное. В нашей работе

мы рискнули пойти дальше, расширив представление о *двойственном* «духе Нгоро-Нгоро» до границ *реальности* социокультурного виртуального. На эту мысль нас, в свою очередь, натолкнул *русский* Фрейд и *русский* Ницше «в одном лице», – Ф.М. Достоевский.

В «Хозяйке» Достоевский описывает «жизнь немца» и, соответственно, жизнь русского человека «у немца», – цивилизованную жизнь, от которой отлетел «дух Нгоро-Нгоро», жизнь по-кантовски нравственную, но жизнь «без норова», жизнь, в которой *расколдованы* все утопии и погашен *огонь* всех социокультурных неврозов:

«Жизнь у немца была однообразна, покойна. Немец был без особого норова; хорошенькая Тинхен, не трогая нравственности, была всем, чем угодно, – но как будто жизнь навеки потеряла свой цвет для Ордынова! <...>

Иногда прежняя горячка к науке, прежний жар, прежние образы, им самим созданные, ярко восставали перед ним из прошедшего, но они только давили, душили его энергию. Мысль не переходила в дело. <...> Может быть, в нем осуществилась бы целая, оригинальная, самобытная идея. Может быть, ему суждено было быть художником в науке. По крайней мере прежде он сам верил в это. Искренняя вера есть уже залог будущего. Но теперь он сам смеялся в иные минуты над своим слепым убеждением и – не подвигался вперед. <...> Что-то похожее на мистицизм, на предопределение и таинственность начало проникать в его душу...

Работница немца, из русских, старуха богомольная, с наслаждением рассказывала, как молится ее смиренный жилец и каким образом по целым часам лежит он, словно бездыханный, на церковном помосте... Часто по целым часам, забыв себя и всю обыденную жизнь свою, забыв все на свете, просиживал он на одном месте, одинокий, унылый...» [б, с. 318-319].

Без «невротических утопий», согласно Достоевскому, «нет будущего»: в нем нет красок, оно неинтересно. Оставляя развернутую критику этого утверждения для других наших работ, сейчас лишь заметим, что все социокультурные иллюзии – от победивших идеологий и начинающих свое движение к власти утопий до трудноуловимой социальной *idée fixe*, репрезентирующей, тем не менее, саму социокультурную реальность – есть, в конечном итоге, воплощение человеческого воображения или, говоря языком психоанализа, воплощение бессознательного, этого «злого духа Нгоро-Нгоро», без ко-

торого не было бы ни известного нам человека, ни известной нам культуры.

Величайшее открытие Фрейда оказалось парадоксально простым. Подавляющее большинство фактов «преступного соблазнения», «сексуального развращения» и травмирующего юную психику «домогательства», которые больные Фрейда описывали как факты, реально случившиеся с ними в детстве, были *разоблачены* как «плод их воображения». Тем не менее, эти виртуальные – то есть воображаемые – факты не только повлияли на возникновение и характер заболевания пациентов Фрейда, но – в той или иной степени – определили всю их жизнь, явившись вполне реальной ее частью. Имело ли место невольное внушение этих фантазий со стороны психоаналитика, вводящего своими вопросами пациентов в их «возможные» – то есть опять-таки воображаемые – «миры», или больные «додумались до этого сами» задолго до своего обращения к врачу, – так или иначе, но выдуманные ими факты, безусловно, имели место в особой реальности, – в *реальности* виртуального.

Именно эта реальность оказывается «более действительной, чем сама действительность». Она создается верой, желанием и незнанием, которые «беззащитно» пользуются самым мощным инструментом, дарованным человеку. Речь, как ясно из вышесказанного, идет отнюдь не о сознании и не о разуме. Речь идет о человеческом воображении.

Принимая предложенную точку зрения, можно попытаться увидеть всю историю *изобразительного* искусства в качестве наглядной истории *воображения* человечества. Часы, в волнении проведенные человеком перед живописными полотнами, жизни, отданные художниками на их создание, высокая стоимость шедевров изобразительного искусства и даже, в конце концов, сами их кражи, со всеми вытекающими из них (также вполне реальными) последствиями, – все эти факты говорят о том, что воображение, зафиксированное на холстах с помощью красок и линий, действительно является частью (вариант Ф.М. Достоевского: «лучшей частью») человеческой реальности.

В книге «От мифа к логосу» Ф. Кессиди писал: «Познание сопровождает миф, но не составляет его первичного ядра: сущность мифа не в объяснении, а в объективировании субъективных впечатлений и переживаний, при котором продукты вооб-

ражения как результат этого объективирования принимаются за подлинные реальности внешнего мира» [8, с. 48].

В данной статье мы вносим в распространенное мнение, выраженное в этом пассаже, то принципиальное возражение («нюанс»), которое, собственно говоря, придает смысл ее появлению на свет. А именно: мы считаем, что «продукты воображения» в ситуации создания социального мифа не просто *принимаются* «за подлинные реальности внешнего мира», но они и *есть* сама безошибочная и подлинная реальность (в единственном числе!) для тех людей, которые *хотят* в этой реальности жить, *верят* в ее объективность и *не знают*, что они заблуждаются. В масштабе этой реальности – то есть в масштабе кругозора социального (а не индивидуального) субъекта – субъективное и объективное оказываются тождественны.

Так, например, для сообщества ученых, которые верят в то, что картина движения культуры «от мифа к логосу» является описанием подлинной реальности «становления греческой философии» и не знают (по сугубо объективным причинам, конечно), что они заблуждаются, упомянутая картина, созданная научным мышлением, из которого невозможно элиминировать работу воображения, и будет той подлинной реальностью, в которой живут люди.

Таким образом, философия и наука не только не избавляют человека от социокультурных иллюзий, но в определенном смысле дают им новую пищу. «В истории, – пишет автор одного из новейших исследований мифа, – видимо, не было эпох, которые нельзя было бы назвать немифотворными» [13, с. 42].

Иллюзии социокультурные и индивидуально-психологические: видовое отличие и родовое сходство

Понимание природы социокультурных иллюзий предусматривает, прежде всего, необходимость различить социокультурные иллюзии, то есть иллюзии, бытующие на уровне общества и культуры, от иллюзий индивидуально-психологических. Под последними мы будем понимать иллюзии, которые не достигли общественной и культурной значимости, оставаясь, однако, в той или иной мере значимыми на индивидуальном уровне. Речь идет о всевозможных обманах чувств отдельного человека, которые порождают у него различные чувственные иллюзии (восприятие мнимых предметов и т.д.), а

также об уникальных в своей индивидуальности заблуждениях, нередко являющихся весьма важными на персональном уровне, но не достигающими общезначимости, то есть значимости общественной и культурной. В этой связи к индивидуально-психологическим иллюзиям можно отнести, например, необычные патологические иллюзорные феномены: галлюцинации, видения, «голоса» и т.д. Случаи, когда патологические иллюзии эпидемически распространяются в больших сообществах, – случаи массовых галлюцинаций, массовых видений (например, религиозного характера), случаи возникновения массовых психозов, феномены массовой паники и т.д., – все эти случаи, строго говоря, находятся в границах заявленной нами темы. Однако из-за экономии внимания и места мы оставляем их рассмотрение за рамками данной статьи.

Проводя различие видов иллюзий путем разделения их на социокультурные иллюзии, с одной стороны, и индивидуально-психологические, с другой, нам бы хотелось одновременно указать на наличие у них определенного родового сходства. Основание этого сходства едино в трех дополняющих друг друга аспектах, которые мы условно обозначили как (α) *аспект незнания*, (β) *аспект веры* и (γ) *аспект желания*.

Аспект незнания. Общей почвой для генезиса как социокультурных, так и индивидуально-психологических иллюзий служит, прежде всего, неполнота имеющегося у данной группы людей или отдельного индивида *знания* относительно реальности, в которой они (он) существуют (-ет). Можно сказать, что иллюзиям дают жизнь те онтогносеологические «дыры» в человеческой реальности, которые обусловлены нехваткой знаний, необходимых для *разоблачения* данных иллюзий в качестве таковых. Эта нехватка восполняется деятельностью социального / индивидуального воображения, а также работой заранее принятых на уровне общества и культуры или отдельного индивида социальных и индивидуально-психологических установок, заставляющих человека заранее «знать» то, что он, строго говоря, не знает.

Здесь важно подчеркнуть, что *онтогносеологические* «дыры» составляют часть реальности, в которой живет человек, совсем не так, как дыры в голландском сыре составляют часть реальности голландского сыра. Неизбежные онтогносеологические «дыры», вызывающие к существованию различные социокультурные и индивидуальные иллюзии, напоминают скорее удобную и легкую

одежду, – одежду, которую король носит с надлежащим королевским достоинством до тех пор, пока знание того, что «король голый» не распространится на широком социальном и культурном уровне или не охватит собой индивидуальное сознание.

Аспект веры. Как мы только что сказали, онтогенетические «дыры» заполняются с помощью деятельности социального и индивидуального воображения, а также работы социально- и индивидуально-психологических установок. Однако главную роль в деле успешного восполнения нехватки знания – и, тем самым, главную конституирующую роль в деле создания иллюзий – играет всё-таки *вера*. Речь идет о безоговорочной вере в реальность иллюзий, будь-то иллюзии индивидуальные или социальные, не важно.

Созданную с помощью безоговорочной веры реальность социокультурных иллюзий мы понимаем как *реальность* социокультурного виртуального или (в более традиционной терминологии) как *реальность* мифического. В случае индивидуальных иллюзий речь, соответственно, должна идти о *реальности* индивидуально-психологического виртуального, не поднимающейся до уровня общезначимого социального мифа.

Главным конституирующим фактором веры является именно потому, что она наделяет продукты воображения и результаты срабатывания определенных бессознательных установок статусом знания. Однако не просто статусом какого-то случайного знания, а знания окончательного и безусловно истинного. Сказать так означает по существу признать, что именно вера создает из воображаемого *реальность* виртуального.

Аспект желания. И наконец, общей почвой для генезиса социокультурных и индивидуальных иллюзий является возможное, – то есть отнюдь не обязательное, – расхождение между человеческими желаниями, мечтаниями и идеалами, с одной стороны, и реальностью, с другой. Таким образом, человеческие иллюзии могут возникать, – это не означает, что они возникают обязательно, – в тот момент, когда реальность на уровне общества и культуры (или на уровне индивида) начинает «противиться» и «не укладываться» в те смысловые значения, которые этой реальности желаниями, мечтаниями и идеалами данного сообщества или отдельного человека настойчиво предписываются.

Иначе говоря, иллюзии – как социокультурные, так и индивидуально-психологические – возникают в тот момент, когда группа людей или от-

дельный человек начинает видеть то, что они настоятельно хотят видеть, то есть считать реальным то, существование чего по каким-то причинам (для них, безусловно, веским) они рассматривают как категорически необходимое, единственно возможное, морально должное и т.д. Верно и обратное положение. Социокультурные и индивидуально-психологические иллюзии могут возникать в тот момент, когда группа людей или отдельный человек начинают *не* видеть то, что настоятельно *не* хотят видеть, то есть когда они *не* считают реальным то, существование чего они по каким-то причинам рассматривают как практически невозможное, категорически недолжное и т.д. Подобная ситуация чревата не только отсутствием определенного знания, но, как правило, и отсутствием знания о самом этом *отсутствии знания*.

В виде общего вывода повторим следующее. Как в случае социокультурных, так и в случае индивидуально-психологических иллюзий речь идет о существовании социальной группы или отдельного индивида в особой *реальности* виртуального. В той реальности, в которой, говоря упрощенно, «желаемое выдается за действительное» в условиях отсутствия разрушающего иллюзии знания, а также в условиях конституирующего воздействия безоговорочной веры относительно границы желаемого/действительного. Но то, что в случае социокультурных иллюзий мы имеем дело с реальностью социальной и культурной, а в случае иллюзий индивидуально-психологических – с реальностью индивидуальной и психологической, кардинально меняет дело.

Существование отдельного субъекта в его особой, индивидуальной *реальности* виртуального легко может быть квалифицировано как субъективное заблуждение относительно «подлинной реальности». Легкость такой квалификации связана с тем, что рядом со случайной и оригинальной реальностью какого-либо индивида, живущего своей «чужаковой», иллюзорной, виртуальной жизнью всегда существует нормальная в ее общезначимости социальная и культурная реальность. Именно по нормам последней манеры данного индивида могут быть определены как странные, поведение – как девиантное, а его социализация и инкультурация – как неудачные. Проблема здесь возникает лишь вместе с вопросом: как быть в том случае, если само общество, по нормам которого устанавливаются образцы социального и культурного поведения, живет в социокультурной *реальности* виртуального?

**Практически достоверное
как безусловно ложное**

«В применении к идеологическим отношениям, – писал М.К. Мамардашвили в статье, посвященной *превращенным формам*, – Маркс интерпретировал *превращенную форму* как ложное сознание, то есть не как субъективное индивидуальное заблуждение, а как общественно необходимую видимость отношений, воспроизводящуюся в представлениях их агентов. Именно *превращенная форма* действительных отношений является содержанием мотивов, побуждений к действию непосредственных агентов общественных отношений» [10, с. 389].

Противопоставление обнаруженного Марксом объективного *ложного сознания* субъективному *индивидуальному заблуждению* соответствует нашему противопоставлению социокультурных и индивидуально-психологических иллюзий, а также, соответственно, социокультурной и индивидуально-психологической *реальности* виртуального, причем в первом случае мы говорим об общезначимой человеческой реальности, а во втором – о курьезной *форме* существования того или иного индивида.

В чем, однако, мы не согласны с М.К. Мамардашвили, так это в квалификации «превращенной формы», «ложного сознания» и «общественно необходимой видимости отношений» как всего лишь «видимых», то есть, по существу, заведомо «ложных». На наш взгляд, то, что Маркс называл «ложным сознанием» есть единственно доступный человеку вид сознания, а необходимая *видимость* общественных отношений и есть сама их *сущность*, помимо которой никакой иной сущности у этих отношений просто нет. (В случае принятия этого утверждения становится понятно, например, почему столь натянуто и неубедительно выглядят все позднейшие попытки марксистов объяснить, каким чудом Марксу, жившему наряду с его современниками в буржуазном обществе, то есть в сфере «ложного сознания», удалось обеспечить себе сознание «не ложное, но истинное».) Эти положения требуют пояснений.

Напомним, прежде всего, определение *превращенной формы*, которое дает Мамардашвили в цитированной выше статье: «Форма превращенная – понятие, введенное в философский оборот Марксом и характеризующее строение и способ функционирования сложных систем; это понятие позволяет исследовать видимые зависимости и эффекты, выступающие на поверхности целого в качестве

того, что Маркс называл “формой его действительности, или, точнее, формой <...> действительного существования”. Подобная форма существования есть продукт превращения внутренних отношений сложной системы, происходящего на определенном ее уровне и скрывающего их фактический характер и прямую взаимосвязь косвенными выражениями» [10, с. 386].

Формально говоря, данное определение построено на том, что атрибуция *божественной* точки зрения, которая в нем представлена, указывает на «священную фигуру» Маркса. Суть указанной точки зрения заключается в том, что *божественный* субъект, который занимает высоту этой точки, способен видеть всё *внутреннее* и *невидимое* в качестве истинного, а всё *поверхностное* и *видимое* в качестве ложного. При этом ложное, конечно, остается ложным, что бы оно собой не представляло, однако, поскольку оно ложно всё-таки *необходимым* образом, то есть ложно *объективно*, оно «в каком-то смысле» всё-таки не ложно. Попробуем понять эту парадоксальность.

Итак, с одной стороны, *квазирелигиозное* мышление, представленное рассмотренной выше точкой зрения, отказывается видеть в «поверхности целого» его внутреннюю сущность и подлинность, а в «форме действительности» этого целого – его окончательное и действительное существование. С другой стороны, это же мышление ставит себя в ложное положение заявлением о том, что внутренние отношения сложной системы, «являясь продуктом и отложением превращенности действия связей системы, в то же время самостоятельно бытийствуют в ней в виде отдельного, качественно цельного явления, “предмета” наряду с другими. В этой “бытийственности” и состоит проблема *превращенной формы*, – настойчиво подчеркивает Мамардашвили, – которая видимым (и практически достоверным) образом представляется конечной точкой отсчета при анализе свойств функционирования системы в целом, представляется как особое, не разлагаемое далее образование, как “субстанция” наблюдаемых свойств» [10, с. 386].

Бросающаяся в глаза двусмысленность состоит в том, что нечто *практически достоверное* одновременно оказывается *безусловно ложным*. Не подвергая сомнению факт значительных достижений марксистской философии в деле исследования социокультурных иллюзий, мы предлагаем развить эти достижения, прояснив до конца указанную двусмысленность.

Реальность виртуального и единая природно-культурная реальность человека

В рамках рассматриваемой проблемы *превращенных форм* главная ошибка Маркса – и, соответственно, Мамардашвили – состоит, на наш взгляд, в том, что они говорили не об одной, а о двух реальностях. Одну реальность, – реальность *превращенных форм*, они эксплицитным образом описывали и исследовали. Другая, имплицитная, *невидимая, внутренняя* реальность, та реальность, которая *превращается* в свои *превращенные* формы, – «сидела у них в голове». Эта последняя реальность, согласно выстраиваемой Марксом логике, не являлась ни *превращенной*, ни *извращенной*, ни *иррациональной*. Речь шла, по сути, об эталонной в своей метафизической рациональности реальности.

Видение проблемы *превращенных форм* как проблемы двух реальностей, реальности *превращающейся* и реальности *превращенной*, придает этой проблеме широкий историко-философский размах. О двух реальностях – о подлинной метафизической реальности и о «формах ее действительности» – говорит вся философия от Платона до Гегеля. Нашу позицию мы уже артикулировали выше: то, что Маркс и Мамардашвили называют *превращенной* или даже *извращенной* реальностью есть единственная человеческая реальность, в которой живут и действуют люди.

Данная позиция, заметим, не наделяет единую человеческую природно-культурную реальность статусом реальности абсолютно разумной. То есть вопрос относительно человеческих иллюзий с «повестки дня» не снимается. Мы говорим о другом. О том, что занимаемая нами позиция лишает смысла и делает совершенно неинтересным приложение таких зловещих эпитетов как *превращенность*, *извращенность* и *иррациональность* к наблюдаемой нами единой реальности человека. Одновременно принципиально важным оказывается положение о том, что часть единой и единственной природно-культурной реальности человека составляет *реальность* виртуального, – *реальность* социокультурных иллюзий.

«Нашупанная» Марксом, вслед за многими предшествовавшими ему философами, *божественная, метафизическая, безусловно подлинная* в своей окончательной истинности реальность для многих людей и до сих пор предстает не в своем гносеологическом статусе – как уже *отработавшая своё* социокультурная иллюзия религиозного, традици-

оналистского, метафизического или какого-либо иного божественного характера – а как *подлинная* реальность среди двух реальностей: *подлинной* и *неподлинной*. Речь в таком случае идет о работающих религиозных, метафизических и т.д. социокультурных иллюзиях в их онтологическом статусе.

Проведенное нами выше деление иллюзий на социальные и индивидуальные, – деление, которое предусматривает, соответственно, различие социально- и индивидуально-иллюзорной реальности виртуального, не противоречит нашему тезису о единстве природно-культурной реальности человека. Точно так же, как общество складывается из отдельных индивидов, иллюзорное мышление и поведение каждого индивида складываются в общую социоиллюзорную реальность. При этом нужно только помнить о том, что части, органически входящие в некое целое, неизбежно теряют одни свои свойства (например, свойства, характерные для мышления и поведения отдельных индивидов) и приобретают другие (например, свойства, характерные для мышления и поведения социального целого). Иллюзии, характерные для толпы, безусловно, отличаются от иллюзий, характерных для каждого отдельного человека, который входит в эту толпу, но именно иллюзорность мышления и поведения каждого человека в толпе представляет собой трансформированную составляющую иллюзорности толпы. В противном случае о родовом сходстве социокультурных и индивидуально-психологических иллюзий говорить было бы нельзя. Здесь мы прямо подходим к необходимости формулировки определения социокультурных иллюзий.

Определение социокультурных иллюзий

За основу определения понятия «иллюзия» мы предлагаем принять ее определение И. Кантом, данное им в «Антропологии с прагматической точки зрения». Мы предлагаем принять это определение только за *основу*, поскольку Кант, по сути, дает определение лишь индивидуально-психологических иллюзий, которое мы затем экстраполируем, с необходимыми оговорками, на область социокультурных иллюзий, опираясь на констатированное нами выше родовое сходство двух данных типов человеческих иллюзий.

Определение, данное Кантом, звучит так: «Иллюзия – это такое заблуждение, которое остается даже тогда, когда *знают*, что мнимого предмета на самом деле нет» [7, с. 382; курсив наш. – П.П.]

Речь при этом идет об одном – об одном и том же – субъекте «такого заблуждения», а не о двух разных субъектах, один из которых принимал бы иллюзию за реально существующий предмет, а другой отказывал бы этому предмету в существовании и, таким образом, был свободен от этой иллюзии.

В целях ясности дальнейшего изложения введем еще одно (вслед за делением иллюзий на социокультурные и индивидуальные) классификационное деление. Разграничим социокультурные иллюзии на те, которые (α) бытуют на уровне массового общества и массовой культуры (*стихийные* социокультурные иллюзии или так называемые «социальные мифы»), и (β) на социокультурные иллюзии, существующие на уровне элиты общества (*рационализированные* социокультурные иллюзии, – сознательно формулируемые утопии и идеологии, прежде всего). При этом мы учитываем, что любые иллюзии должны быть отнесены к вполне конкретным сообществам, поскольку на практике «элита общества» представлена рядом отличных друг от друга сообществ. То же относится и к «массовому обществу» и «массовой культуре».

Помимо введения этого деления, продуктивный разговор о социокультурных иллюзиях нуждается в некотором расширении сформулированного выше определения иллюзий. Здесь мы снова обратимся к Канту, который в параграфе «О склонности к иллюзии как страсти» в вышеуказанном произведении, определил иллюзии второй раз следующим образом: «Под иллюзией как мотивом желаний я, разумею внутреннее практическое заблуждение – принимать субъективное в побудительной причине за нечто объективное» [7, с. 522].

Кант демонстрирует способности тонкого психолога, замечая, к примеру, что природа «вводит ленивого от природы человека в заблуждение таким образом, что предметы его воображения кажутся ему действительными целями (способами приобретения почета, власти и денег), которые доставляют ему, неохотно принимающемуся за любое дело, достаточно хлопот и заставляют его при ничегонеделании много делать; причем проявляемый к этому интерес чисто иллюзорный; природа, таким образом, играет с человеком и толкает его (субъект) к его цели, в то время как этот субъект убежден (объективно), будто он сам себе поставил эту цель» [7, с. 522–523].

Несмотря на то, что последняя мысль Канта напоминает известную идею Гегеля о «хитрости Мирowego Разума», – а также идею Маркса «они не

сознают этого, но они это делают», – Кант не выходит при этом за рамки философской психологии. (Заметим в скобках, что в более широких рамках социальной философии предложенный Кантом тезис мог бы звучать, например, так: «Мы пытаемся показать не то, как люди мыслят в мифах, а то, как мифы мыслят в людях без их ведома» [9, с. 20].) Потому для нас и это его второе кантовское определение иллюзий – так же как и первое – нуждается в расширении и уточнении. В этих целях мы синтезируем оба его определения, стараясь одновременно учесть социокультурный статус интересующих нас иллюзий.

Уточнение вырабатываемого нами синтетического определения социокультурных иллюзий состоит в том, что фразу «принимать субъективное в побудительной причине за нечто объективное» во втором определении иллюзий Кантом мы игнорируем. На уровне социокультурных иллюзий социальному субъекту (социальной группе, отдельному сообществу или обществу в целом) поневоле приходится «принимать субъективное в побудительной причине за нечто объективное», поскольку субъективное и объективное в масштабе социокультурного субъекта оказываются тождественны. (Говоря о заблуждении, которое заключается в том, чтобы «принимать субъективное в побудительной причине за нечто объективное», Кант, конечно, невольно занимает точку зрения *божественного* субъекта, который – как мы уже говорили выше – способен видеть *невидимое* в качестве истинного/объективного и видеть «всего лишь видимое» в качестве ложного/субъективного.) Что касается обоснования возможности *расширения* смыслов кантовских определений чувственных иллюзий, то есть иллюзий, названных нами выше индивидуально-психологическими, до уровня иллюзий социокультурных, то здесь необходимо сослаться на установленное нами выше родовое сходство социокультурных и индивидуально-психологических иллюзий.

Опираясь на наличие подобного сходства и учитывая указанную специфику социокультурного субъекта, в итоге получаем следующее определение: «Социокультурные иллюзии – это *практические, действенные* заблуждения, имеющие *онтологический* статус, который препятствует их рассмотрению в их более привычном гносеологическом статусе».

Данное определение, в частности, означает, что бытийственность социокультурных иллюзий способна (хотя, конечно, лишь *до поры до време-*

ни) одерживать верх над возможным и действительным знанием, разоблачающим их в качестве заблуждений, – над знанием, *в принципе* все-таки доступном для субъекта, который убежден в реальности иллюзорного предмета. Такой тип бытийственности социокультурных иллюзий содействует рождению и формированию *рационализованного* их образа, призванного, – со ссылкой на разум, логическую аргументацию, всякого рода диалектическую софистику и т.п., – придать им легитимный характер.

Заблуждения (α) практические, (β) обычные, (γ) намеренные и (δ) заблуждения относительно заблуждений

Фундаментальное исследование феномена социокультурных иллюзий всячески подтверждает указанную их практическую направленность. Подтверждает, в частности, их притязание решать те проблемы, которые принимаются и оцениваются самими человеческими сообществами в качестве проблем, подлежащих решению «во что бы то ни стало».

Однако, как мы уже говорили выше, для того, чтобы быть эффективными и действенными социокультурные иллюзии должны активно противостоять всякому знанию, ставящему под сомнение их существование в статусе реальности. Поэтому социокультурные иллюзии готовы не только всеми *неправдами*, но всеми *правдами* бороться с знанием, которое способно разрушить их иллюзорный предмет, понимаемый в широком смысле этого слова, – предмет, включающий в себя социальные утопии, политические идеологии, системы общественных ценностей, разветвленные системы культурных смыслов и т.п.

Иными словами можно сказать так: хотя *рационализованные* социокультурные иллюзии, – утопии и идеологии, реализация которых, как известно, никогда не получает своего абсолютно адекватного воплощения, – являются источниками разнообразных социальных и культурных новаций, эти новации, однако, носят не только продуктивный, но и контрпродуктивный характер.

Пафос сопротивления как *стихийных*, так и *рационализованных* социокультурных иллюзий развивающемуся человеческому знанию основан на безусловности веры в онтологическую сущность иллюзорного предмета, – веры, исповедуемой в определенной культуре соответствующим сообществом. При этом данное сообщество решительно отклоняет

всякую возможную дискуссию о своем иллюзорном предмете, поскольку такая дискуссия переводит указанный предмет в чисто гносеологический план, а в этом плане *все* социокультурные иллюзии предстают в качестве *обычных* заблуждений.

Таким образом, существуют социокультурные иллюзии как:

(α) *практические, действенные* заблуждения, работающие в культуре и обществе над разрешением проблем данной культуры/субкультуры и данного общества/сообщества;

(β) *обычные* заблуждения, в разряд которых попадают *бывшие*, то есть когда-то *с-бывшиеся*, но теперь уже *отработавшие своё*, социокультурные иллюзии;

(γ) *намеренные* заблуждения – ложь, к которым относятся, в частности, попытки насильственного возведения *обычных* заблуждений в статус работающих социокультурных иллюзий, то есть, по существу, в статус реальности;

и наконец, особый вариант (δ) представляют собой попытки добросовестной реанимации *отработавших своё* социокультурных иллюзий: речь идет об искренних заблуждениях относительно заблуждений.

Для пояснения последнего пункта заметим, что под *недобросовестной реанимацией* социокультурных иллюзий мы понимаем случай (γ), когда, например, идеологи сознательно пытаются представить *отработавшие своё* социокультурные иллюзии в статусе непреложной реальности. Таким образом, *добросовестность* в случае (δ) оказывается связана с отсутствием полноты *осознания* социокультурных иллюзий в качестве иллюзий.

Иногда борьба с полнотой *осознания* социокультурных иллюзий в качестве иллюзий бывает *сознательной*. В теории такая конструкция предстает как *сознательная* борьба с *сознанием*, то есть как борьба сознания с *самим собой*. На практике, однако, как правило, речь идет о борьбе с конкретным *запрещённым* знанием. Так, например, в рамках работающих – эффективных и действенных – религиозных социокультурных иллюзий данная борьба традиционно трактуется как «борьба с ересями», то есть с *искушением* ненужным, опасным, ложным и т.д. знанием.

Возьмем, например, средние века. В самом начале этой эпохи Тертуллиан, как известно, предлагает принцип, который принято кратко формулировать «верую, ибо абсурдно». Верую даже тогда, когда моей вере противоречит очевидное и доказанное

знание. Более того, верую именно потому, что это знание противоречит моей вере. Но, заметим, в другую религиозную эпоху Мартин Лютер повторяет, по сути, то же самое. Вопреки самому разуму и показаниям органов чувств, нужно уметь держаться веры: «На том стою и не могу иначе». Как видим, социокультурные иллюзии – для того, чтобы быть эффективными и действенными – в любую эпоху стремятся работать вопреки наличию знания, которое может их разрушить.

Таким образом, промежуточное состояние социокультурных иллюзий в случае (δ) между их «жизнью и смертью» совсем не говорит об их неполноценном существовании. В жизни отдельного поколения (или даже нескольких поколений) «ни живые, ни мертвые» иллюзии могут занимать весьма значительное место.

Хотя, в отличие от случаев (β) и (γ), в случае (δ) речь об исчерпанности практической эффективности социокультурных иллюзий прямо не идет, здесь тоже есть определенная тонкость. Ее прояснение поможет нам лучше понять общую природу социокультурных иллюзий.

Совершенной социокультурной иллюзией является, очевидно, та, которая работает в качестве интересубъективной реальности, к которой больше ничего нельзя «ни прибавить, ни убавить». Из этого положения можно сделать вывод, что стремление искусственно улучшить, обновить, возродить, «перезагрузить» и т.д. социокультурные иллюзии говорит лишь о том, что сами *возрождатели* этих иллюзий до конца не верят в когда-то живые, а ныне переставшие работать социоиллюзорные смыслы. Идеологи помнят о былой прагматической полезности определенных социокультурных иллюзий в деле решения проблем общества и культуры. Однако сами эти иллюзии для них уже являются именно иллюзиями, хотя они и хотят использовать их на практике. Неверие таких идеологов проявляется в том, что они видят в *реальности* отработавшего свой срок социального виртуального лишь подобие «компьютерной программы», которую можно «перезагрузить». Однако реальность своих социокультурных иллюзий люди, поэтически говоря, «не выбирают», – они в ней, как известно, «живут и умирают».

К случаю ошибочного обращения с социокультурными иллюзиями как с необходимым и полезным обманом (случай γ) относится и то положение дел, когда идеологи стремятся усовершенствовать соци-

окультурные иллюзии ввиду их несовершенной, *падающей*, иллюзорной природы, не замечая, что *совершенное несовершенство*, то есть *непрерывное падение*, и есть способ естественного и наиболее устойчивого существования социокультурных иллюзий.

Срок жизни той или иной социокультурной иллюзии – срок ее перехода в *обычное* заблуждение (случай β) – зависит скорее от расцвета или угасания интересубъективной потребности в данном виде социоиллюзорной реальности. Поэтому искусственное нагнетание, насильственное идеологическое навязывание обществу иллюзий, потерявших свою работоспособность (а вместе с ней и свою реальность), само видится как «впадение в иллюзии».

Выводы

Из вышесказанного следует, что «солью» социокультурных иллюзий является их своеобразный онтологический статус. Это значит, что социокультурные иллюзии должны рассматриваться, прежде всего, не в их гносеологическом статусе, как это принято в философии еще с античных времен, в их *онтологическом, бытийном* статусе. Только он отличает их от *обычных* заблуждений, вполне податливых критике и опровержению.

Первый шаг к разрушению единой реальности социокультурных иллюзий – то есть к разрушению их онтологического статуса – представляет собой имплицитное расщепление этой реальности, скрытое в акте ее рационализации. Конкретно это расщепление можно представить как удвоение указанной реальности на реальность *сакральную и профанную, метафизическую и физическую, внутреннюю и внешнюю, игровую и утилитарную* и т.д.

Второй шаг на пути к разрушению реальности социокультурных иллюзий представляет собой этап их парадоксальной – диалектической – *ремифизации*. Именно этот этап был описан К. Манхеймом в его знаменитой работе «Идеология и утопия» [11]: когда утопии приходят к власти, *утопически-игровое* превращается в *идеологически-утилитарное* так, что оба эти момента в их тождестве сохраняются.

Речь идет о создании *нового* единства реальности социокультурных иллюзий, – реальности, которая, однако, уже необратимым образом прошла период своего предварительного *расщепления/удвоения*. Это означает, что на данном этапе мы застаем единство, которое продуцируется *отождествлением* уже *расщепленного*: «Мифотворчество

<XX века>, связанное с человеком массы, – читаем в исследовании эстетики XX века, – *возвращало* эстетику от разрыва игрового с утилитарным к той стадии эстетики в истории человечества, когда игровое было оборотной стороной утилитарного» [13, с. 65; курсив наш. – П.Л.].

Третьим этапом разрушения реальности социокультурных иллюзий – разрушения реальности дряхлеющих социальных мифов – является, соответственно, критика и смерть идеологии, в которую на втором этапе превратилась «утопия, пришедшая к власти». Исследуя этот заключительный этап общего троячного цикла, необходимо учесть, что именно критика и смерть идеологии почти неизбежным образом обуславливают попытки ее реабилитации/реанимации.

Таким образом, все три этапа разрушения онтологического статуса социокультурных иллюзий – три этапа разрушения их реальности – говорят нам о том, что природа социокультурных иллюзий может быть определена как *падающая*. Тот факт, что социокультурные иллюзии способны выстаивать под напором современного рационального знания, которое, казалось бы, давно должно было бы их разрушить, говорит об их удивительной жизнеспособности. При этом способы адаптивного отношения

социокультурных иллюзий к их познанию весьма различны: от элементарного игнорирования этого знания и религиозно-стойческого противостояния его «натиску» до парадоксального использования данного знания в деле оправдания существования самих социокультурных иллюзий.

В целом парадоксальное *динамично-консервативное* бытие социокультурных иллюзий можно пояснить с помощью афоризма нашего великого предшественника в области исследования социальных и культурных иллюзий, – Фридриха Ницше: «Падающего еще толкни». Смысл этого афоризма, на первый взгляд, прост: если «падающее» жизнестойко, с ним ничего плохого не случится; если же речь идет о чем-то жизненно «дряхлом», – пусть гибнет как можно скорее. Однако формулировка, требующая дополнительных интерпретаций, заранее не точна, и ошибкам скрыться в ней гораздо легче. В самом деле, именно «толкание» *падающей* иллюзии может придать ей огромные силы для ее выживания и обновления. Ницше не учел, что некоторые феномены – социокультурные иллюзии, прежде всего – по своей природе являются *падающими*. Наглядно передать природу социокультурных иллюзий можно с помощью образа падающей Пизанской башни, способной, как известно, простоять века.

Список литературы:

1. Багаев К.Ю. Социальные иллюзии // Современный философский словарь. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. С. 663–664.
2. Беленький В.Х. Социальные иллюзии: опыт анализа // Социологические исследования. 2001. № 5. С. 110–116.
3. Бердяев Н.А. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы // Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье. М.: Канон+, 2002.
4. Гегель Г.В.Ф. Система наук. Часть первая. Феноменология духа / Репр. воспр. изд. 1959 г. Пер. с нем. Г. Шпета. СПб.: Наука, 2002.
5. Геллер М., Некрич А. История России: 1917-1995. В 4-х тт. Т. 1. Утопия у власти: 1917-1945. Социализм в одной стране. М.: МиК-Агар, 1996.
6. Достоевский Ф.М. Хозяйка // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30-и тт. Л., 1972. Т. 1.
7. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Сочинения. В 6-и тт. / Пер. с нем. Н.М. Соколова, сверка пер. М.И. Иткина. М.: Мысль, 1966. Т. 6.
8. Кессиди Ф. От мифа к логосу. Становление греческой философии. М., 1972.
9. Леви-Строс К. Мифологии. В 4-х тт. М.-СПб., 2000. Т. 1.
10. Мамардашвили М.К. Форма превращенная // Философская энциклопедия. В 5-и тт. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 5. С. 386-389.
11. Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени / Пер. с нем. М.И. Левиной. М., 1994.
12. Шацкий Е. Утопии // Шацкий Е. Утопия и традиция / Пер. с польск. К.В. Душенко. М.: Прогресс, 1990.
13. Хренов Н.А. От эпохи бессознательного мифотворчества к эпохе рефлексии о мифе // Миф и художественное сознание XX века. М., 2011.
14. West L.J. Illusions and hallucinations. – In: Dember W.N. et al. Perception, Human // The New Encyclopaedia Britannica. 29 vols. 15th ed. Chicago et al.: Encyclopaedia Britannica, Inc., 1994. Vol. 25. P. 481-502.

References (transliteration):

1. Bagaev K.Yu. Sotsial'nye illyuzii // Sovremennyi filosofskii slovar'. 3-e izd., ispr. i dop. M.: Akademicheskii proekt, 2004. S. 663-664.

2. Belen'kii V.Kh. Sotsial'nye illyuzii: opyt analiza // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2001. № 5. S. 110-116.
3. Berdyaev N.A. Novoe srednevekov'e. Razmyshlenie o sud'be Rossii i Evropy // Berdyaev N.A. Smysl istorii. Novoe srednevekov'e. M.: Kanon+, 2002.
4. Gegeľ G.V.F. Sistema nauk. Chast' pervaya. Fenomenologiya dukha / Repr. vospr. izd. 1959 g. Per. s nem. G. Shpeta. SPb.: Nauka, 2002.
5. Geller M., Nekrich A. Istoriya Rossii: 1917-1995. V 4-i tt. T. 1. Utopiya u vlasti: 1917-1945. Sotsializm v odnoi strane. M.: MiK-Agar, 1996.
6. Dostoevskii F.M. Khozyaika // Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii. V 30-i tt. L., 1972. T. 1.
7. Kant I. Antropologiya s pragmaticheskoi tochki zreniya // Kant I. Sochineniya. V 6-i tt. / Per. s nem. N.M. Sokolova, sverka per. M.I. Itkina. M.: Mysl', 1966. T. 6.
8. Kessidi F. Ot mifa k logosu. Stanovlenie grecheskoi filosofii. M., 1972.
9. Levi-Stros K. Mifologiki. V 4-kh tt. M.-SPb., 2000. T. 1.
10. Mamardashvili M.K. Forma prevrashchennaya // Filosofskaya entsiklopediya. V 5-i tt. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1970. T. 5. S. 386-389.
11. Mankheim K. Ideologiya i utopiya // Mankheim K. Diagnostika nashego vremeni / Per. s nem. M.I. Levinoi. M., 1994.
12. Shatskii E. Utopii // Shatskii E. Utopiya i traditsiya / Per. s pol'sk. K.V. Dushenko. M.: Progress, 1990.
13. Khrenov N.A. Ot epokhi bessoznatel'nogo mifotvorchestva k epokhe refleksii o mife // Mif i khudozhestvennoe soznanie XX veka. M., 2011.
14. West L.J. Illusions and hallucinations. – In: Dember W.N. et al. Perception, Human // The New Encyclopaedia Britannica. 29 vols. 15th ed. Chicago et al.: Encyclopaedia Britannica, Inc., 1994. Vol. 25. P. 481-502/